

ДРЕВНЕРУССКИЕ ВОЛХВЫ И ВОЛХОВАНИЕ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Вопрос о том, кем являются древнерусские волхвы, остается в современной историографии весьма спорным. Различные точки зрения на этот счет можно свести к двум. Либо волхвы – это «языческие» жрецы, либо волхвами признаются сторонники какой-то дуалистической ереси, близкой к богомилам. Вторая точка зрения основывается на статье «Повести временных лет» (ПВЛ) за 1071 г., где рассказывается о прениях Яня Вышатича с волхвами, которые рассказывают о дуалистическом строении мира (Бог и дьявол вместе творят мир. – ПСРЛ. Т. 1. Стб. 175–178).

Больше никаких данных о том, что волхвы считали мир дуалистически устроенным, у нас нет. Более того, миф о творении, рассказанный волхвами Яню Вышатичу, больше напоминает записанный в мордовском селении Пензенской губернии миф о Чам Пасе, после бани обтиравшемся полотенцем, которое украд шайтан (Кузнецова 1997). Это сходство может иметь несколько различных объяснений (вплоть до влияния летописного текста на финно-угорский фольклор), но связывать единственное свидетельство летописи с приверженностью всех волхвов богомильской ереси, как представляется, не очень продуктивно.

Первая точка зрения, сводящаяся к тому, что волхвы представляют собой «языческих» жрецов, в тех регионах, где в XI–XII вв. остались поклонники дохристианских культов, безусловно, интереснее идеи об адептах богомильской ереси. Однако и здесь не всё так просто. В недавней работе П.В. Лукин сравнил летописный сюжет о появлении волхва в Новгороде, который спровоцировал мятеж в городе, со свидетельством о христианской миссии Оттона Бамбергского к поморским славянам в Щецин. В Щецине людей на борьбу против миссионеров пытался вдохновить жрец. По мнению исследователя, это сравнение дает возможность видеть в новгородском волхве «языческого» жреца (Лукин 2018. С. 131–148). Уподобление, на наш взгляд, не совсем корректно.

Во-первых, ничего не сказано о приверженности новгородского волхва какой-либо «языческой» религии.

Во-вторых, в древнерусской письменности нет никаких иных свидетельств, связывающих волхвов с дохристианскими культурами. Исключение составляет летописный сюжет под 1071 г., где рассказывается следующее: «В сиа же времена прииде волхвъ, прѣлъщень бѣсомъ; пришед бо Кыеву, глаголаше, яко явилося ми 5 богъ, глаголюще сице: повѣдай людемъ, яко на 5 лѣто потещи Днѣпру въспяеть, а землямъ преступати на иная мѣста, яко стати Грѣчьской земли на Руской земли, а Руской земли на Грѣчьской землѣ, и прочимъ землямъ измѣняться» (ПСРЛ. Т. 3. С. 191–192). То, что волхв упоминает пятерых богов, никак не делает его жрецом. В.Я. Петрухин считает, что они никак не связаны с язычеством, а имеют отношения к пяти планетам, «на астрологическое расположение которых и ссылался волхв» (Петрухин 2000. С. 315–317). Также очень важно отметить, что во всех сюжетах ПВЛ, отражающих события до принятия христианства, нет никаких свидетельств о волхвах как жрецах языческой религии. Никаких волхвов мы не встретим ни в сюжете о попытке жертвоприношения варяга-христианина (983 г.), ни в установлении языческого пантеона в Киеве (980 г.).

В-третьих, новгородский волхв, как и в некоторых других упоминаниях, провозглашает, что готов совершить чудо – в данном случае, перейти Волхов по воде. В предваряющем рассказ о новгородском волхве замечании летописец вспоминает евангельский сюжет о волхве Кунопе: «Нь и Конопъ творяше мечтаниемъ бѣсовьскимъ, яко и по водамъ ходити, и ина мечтания творяше, бѣсомъ льстимъ, на пагубу собѣ и инѣмъ» (ПСРЛ. Т. 3. С. 196). Куноп, как известно, утонул в море. Новгородский волхв был убит князем Глебом.

Говорил ли новгородский волхв эти слова на самом деле, или в его уста их вложил летописец, ясно одно – волхв сам, или по мнению летописца, уподоблял себя Иисусу Христу (как замечает летописец «хуля веру христианскую»), что не имеет никакого отношения к дохристианской религии. Почему «языческий» жрец должен был совершить христианское чудо, остается загадкой – или нам придется считать, что уже ко второй половине XI в. «языческие» жрецы освоили дискурсивные стратегии го-

нителей ранних христиан. Конечно, полностью исключать такой вариант нельзя, но являются ли они жрецами, или мы имеем дело с людьми, которые, имея высокий статус в глазах народа, убежденного в обладании ими какой-то магической силой, могут увлечь людей за собой на мятеж против епископа или князя.

То, что волхвы могли быть очень знаменитыми и даже доблестными воинами, мы узнаем из Галицко-Волынской летописи: «Скомондъ бо бѣ волхвъ и кобникъ нарочить. Борзъ же бѣ яко и звѣрь, пѣшь бо ходя, повоева землю Пиньскую» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 799–800).

О том, что волхвы рассматривались как люди, способные творить чудеса, мы узнаем из переводных литературных сочинений (хроники Георгия Амартола, Иоанна Малалы и др.), но не только. В «Памяти и похвале» Иакова Мниха читаем: «Много бо и вльсви чюдесь створиша бѣсовьскимъ мечтаниемъ, и бяху святѣи апостоли и бяху лжи апостоли» (Память 1897. С. 6). В «Чуде о святом Николае», в тот момент, когда святой спасает священника, возведенного на эшафот, трижды вынимая из рук палача меч, разозленный палач спрашивает священника, не волхв ли он.

Из этих приведенных скудных данных ясно только то, что волхвы могли «совершать» чудеса и в глазах жителей русских городов имели высокий статус. Однако главное умение волхвов, о котором нам всегда с некоторым ехидством повествует летописец — это предсказание будущего. Если волхвы говорят про свое будущее, то они, как правило, ошибаются. И новгородский волхв, который предрек, что будет совершать чудеса, после чего был убит князем Глебом, и волхвы, умерщвленные с согласия Яня Вышати-ча, говорившие «намъ предъ Святославомъ стати» (ПСРЛ. Т. 3. С. 194), оказались неправы. Если же они пророчествуют кому-то, то предсказанное свершается, либо к этому относятся серьезно: волхв предсказывает смерть князю Олегу от коня, и тот погибает, венгерский принц в 1226 г. посылает свое войско на Галич, но сам в поход не идет: «и посла вои свои к Галичю, самъ бо не смѣ ѣхати к Галичю. Повѣдахуть бо ему волхвы Угорьскыя, яко узрѣвшу Галичъ, не быти ему живу. Он же тоя ради вины не смѣя ити в Галичъ, яко вѣряшетъ волхвомъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 748).

Однако, кроме летописных свидетельств, где перед нами предстают исторические акторы, другие древнерусские источники со-

общают нам о волхвах дополнительную информацию. Как мы уже писали выше, и во внелетописных источниках сообщается о способности волхвов «совершать» чудеса. Кроме этого волхвы умеют лечить. В слове о Спиридоне и Алимпии Киево-Печерского патерика говорится: «И нѣкто от Києва богатыхъ прокаженъ сѣи. И много от влѣховъ и от врачейъ врачюемъ бываше, и от иновѣрныхъ челоуѣкъ искаше помощи, и не получи, но и грѣшее себѣ приобрѣте» (БЛДР. Т. 4. С. 460). В «Вопрошании» Кирика сказано: «А еже дѣтии дѣля жены творять, что любо, а еже възболять, или къ влѣхамъ несуть, а не къ попови на молитву, то б недѣль, или 4, оже будутъ молоди» (РИБ. Т. 6. С. 60).

Кроме лечения, люди явно обращались к волхвам и за другой помощью, которая напрямую связана с проявлением чудесного. В ответах киевского митрополита Иоанна есть свидетельство: «Иже волхвованья и чародѣянья творяще, аще мужю и женѣ, словесы и наказаньемъ показати и обратити от злыхъ. Якоже от зла не преложаться, яро казнити на възбраненье злу, но не до смерти убивати, ни обрѣзати сихъ тѣлесе» (Там же. С. 4). Похожее наставление читаем в пространной редакции Устава Ярослава: «Аще жена будетъ чародѣица, наузница, или влѣхва, или зелеиница, муж, доличив, казнит ю, а не лишится» (Щапов 1976. С. 89). Как представляется, оба примера вряд ли можно трактовать как запрет именно на лечение у волхвов. В данном случае речь идет о каких-то магических практиках, волхвы попадают в один ряд с чародеями и чародейством. В Начальной летописи сказано: «такое сии роди много волхують жены чародѣиствомъ и отравою и инѣми бѣсовскими козньми» (ПСРЛ. Т. 3. С. 195). Таким образом, под волхованием понимается широкий спектр магических услуг, а не только лечение. Сюда, вероятно, входит и гадание, и предсказания, и заговоры от болезней, и приготовление различных лекарственных снадобий. Безусловно, эти частные магические практики рассматривались как проявление «чудесного» и, в свою очередь, осуждались церковью, которая интерпретировала эти чудеса как связь с бесовской силой.

Несмотря на скудные свидетельства ранних древнерусских письменных памятников о волхвах и волховании, можно сделать несколько выводов. Волхвами называли людей, которые могли предсказывать будущее и совершать чудеса, но не являлись ни

святыми, ни священниками. Мы видим также, что волхвами называли людей, которые совершали различные магические ритуалы, а также лечили людей, что тоже осуждалось церковью, т.к. не было ею санкционировано. Среди волхвов были весьма статусные представители. О них упоминают летописные источники. Но наряду с ними также существовали различные народные целители и чародеи, занимавшиеся магическими практиками, к которым обращались люди по мере надобности. Они именовались волхвами, на наш взгляд, в силу того, что тоже вершили чудеса, были связаны с «чудесным». Рассматривать же волхвов как представителей «языческой» дохристианской религии весьма сложно: на это нет никаких указаний в источниках.

Источники и литература

Кузнецова В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1997.

Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2018.

Память и похвала князю Владимиру и его житие по списку 1494 года // Зап. Акад. наук. Сер. VIII по Ист.-филол. отд. СПб., 1897. Т. 1, № 6.

Петрухин В.Я. Древняя Русь. Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1.

Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

Ю.Е. Вершинина

КОНЦЕПТ *FAMILIA* В «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ НАРОДА АНГЛОВ» БЕДЫ ДОСТОПОЧТЕННОГО И ЕЕ ПЕРЕВОДЕ НА ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Казус, связанный с несоответствием исходного значения латинского термина *familia* и образованных на его основе во многих современных европейских языках слов, обозначающих нуклеарную семью, широко известен в социальных и гуманитарных науках. Действительно, латинская *familia*, в основе которой лежало подчинение ее членов *pater familias*, имеет мало общего с представлениями о современной европейской семье. Одним из интересных аспектов изучения этого казуса является использование слова *familia* в трудах раннесредневековых авторов для описания социальных групп, существовавших в обществах, не